

1-4.08.2001

Сейчас, когда не смолкают споры вокруг закона о частной собственности на землю, спорящим стоило бы перечитать книги большого русского прозаика, как никто знавшего трагедии и надежды крестьянства. Ничего так и не изменилось ни в жизни Федора Кузькина, героя одноименной повести, ни для персонажей его романа «Мужики и бабы».

Спектакль Таганки «Из жизни Федора Кузькина», с вращающимся на флагштоке журналом «Новый мир», стал вехой в истории не только театра, но и формирования гражданского общества России. Мы попросили Юрия ЛЮБИМОВА вспомнить счастливые дни рождения и дни мытарств «Живого» — так по замыслу авторов первоначально назывался спектакль.

— Наши отношения с Борисом Ан-

А Кузькин все еще живой

Прошло 5 лет со дня смерти Бориса Можаяева

Общая газета. — 2001. — 1-4 марта, с. 9

дреевичем Можаяевым начались с того, что я пришел к своему другу Николаю Робертовичу Эрдману и услышал:

— Ю-ю-ра, вы читали «Козлотур» Искандера? — Эрдман заикался. Как я тогда шутил, от советской власти. — Очень интересная вещь, надо почитать. И вот еще повесть, тоже почитайте, — и протянул мне «Из жизни Федора Кузькина». Я послушался, прочел «Кузькина» и попросил, чтобы нас познакомили.

При первой встрече Можаяев смотрел на меня очень настороженно и почему-то все время напирал на то, что МХАТ тоже хочет ставить эту вещь. Я посоветовал посмотреть что-нибудь из нашего репертуара. Это только теперь, из недавно опубликованных воспоминаний я узнал, что Бориса Андреевича долго отговари-

вали от общения с Таганкой. Обо мне тогда шла молва как о мелком эпатажнике и модернисте. Кроме того, утверждали, что настоящая моя фамилия — Либерман. А разве может Либерман понять русскую душу и любить русскую деревню? Но Можаяев остановился на Таганке, началось варево, какое всегда начинается, когда повесть переводят на сцену. Все были молоды, задорны, Можаяев очень помогал Золотухину вжиться в роль. А потом спектакль закрыли на двадцать один год.

Когда Демичев в первый раз принимал спектакль, Можаяев сидел рядом со мной и очень странно себя вел: отвлекал Демичева, дергал его, что-то комментировал. Я все думал: почему? А Борис, оказывается, специально тормозил Демичева, чтобы тот не насыщался ненавистью к спек-

таклю. Демичев делал вид, что принимает спектакль, и бурчал: «Что же это у вас за частушки неправильные...»

— Ого-го частушки, ого-го... О чем разговор, их, знаете, столько, частушек... Заменяй. — Можаяев говорил раскатисто, оглаживая бороду, с каким-то необъяснимым чувством собственного достоинства. — Ну вот и славно, очень хорошо, что в целом вы спектакль поддерживаете.

Все присутствующие встрепенулись, стали поддакивать: да-да, нам необходима сатира, да-да. Но все старания Бориса Андреевича были зря. А как Можаяев надеялся! Мы шли по коридору, в конце которого повешен портрет Чарли Чаплина. И вот мы приближаемся к Чарли Чаплину, и Можаяев ликует, как дитё малое, и говорит: «Я у Милды (так звали жену

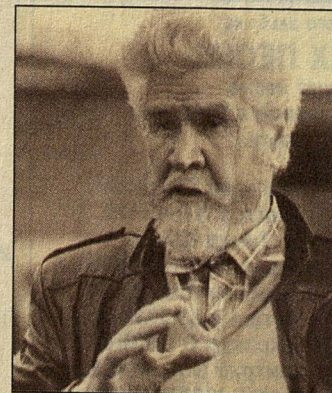
Можаяева) заначил пятьсот рублей, сейчас возьмем чего-нибудь и отметим». А я, тертый калач, сомневаюсь: «У, Борис, не торопись. Это такая пройда, что ничего не стоит и ждать». — «Да брось ты... Все же отлично вышло». Но — не вышло.

В Можаяеве до конца жизни чувствовалась особая морская офицерская выправка. Я помню уникальный случай, когда Фурцева в очередной раз не принимала спектакль и Борис Андреевич разошелся: «Как же вам не стыдно. Сядьте!» — властно рыкнул он молодому карьеристу. И к Фурцевой: «Вы посмотрите, вы не понимаете, как это страшно? Вы же карьеристов растите! Вокруг вас нет настоящих людей!» И это Фурцевой! Та обалдела. Все были в шоке минуты полторы, пока Можаяев ораторствовал со всей мощью русского языка.

Потом, помню, как мы, несмотря на разнос, хотели отметить. Стол накрыли, капустку разложили, закуску всякую понаставили. И был чудный вечер, все были счастливы, что спектакль получился, актеры играли прекрасно, пели русские песни...

За эти два десятилетия я хотел поставить еще несколько можаяевских рассказов, но мы с Борисом Андреевичем дали друг другу слово, что, пока не пробьем «Кузькина», ничего вместе делать не будем. А дружили мы долгие годы. Ездили в Прибалтику к Милде, собирали ягоды и колдовали над домашним вином. Борис Андреевич научил меня солить лососа и есть строганинку. Золотые, незабываемые, раз и навсегда ушедшие времена.

В 96-м, на панихиде по Можаяеву многие ораторы говорили, что Борис

Андреевич сам был Кузькиным. И мне вспомнилось, как на своей золотой свадьбе Петр Леонидович Капица рассказал, что когда-то волновался за меня, а потом успокоился, поняв, что я — Кузькин. Я шут, артист, это неудивительно, к этому обязывает профессия. Что же это за система такая, в которой все сродни Кузькину!

Записала Юнна ЧУПРИНИНА

Можаяев Борис